

† Классическое наследие

Предлагаем вниманию читателя классический текст Эрнста Бёрджесса (1886-1966), американского социолога, одного из основателей и яркого представителя Чикагской школы. Наряду с Р.Парком, Р.Маккензи, Л.Виртом и другими учеными он формировал лицо Чикагской школы в период ее расцвета (40-е – 50-е годы). Особые заслуги Бёрджесса связаны с разработкой прикладных аспектов «социальной экологии», применением ее теоретических положений в практике исследования городских сообществ. В данном очерке намечаются основные принципы такого исследования.

Эрнст БЁРДЖЕСС

РОСТ ГОРОДА: ВВЕДЕНИЕ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ*

Выдающимся фактом современного общества является рост больших городов. Нигде необычайные изменения, вызванные в нашей социальной жизни машинной промышленностью, не проявили себя с такой очевидностью, как в городах. В США переход от сельской к городской цивилизации, хотя и начался позднее, чем в Европе, происходил если не быстрее и всеохватнее, то, во всяком случае, более логично в своих наиболее характерных формах.

Все сугубо городские проявления современной жизни – небоскреб, подземка, универмаг, ежедневная газета и социальная работа – являются характерно американскими. Более незаметные изменения в нашей социальной жизни, те, которые в более грубых своих появлениях именуется «социальными проблемами» – проблемами, которые

* Перевод выполнен по изданию: Burgess E.W. The Growth of the City: An Introduction to a Research Project // Park R.E., Burgess E.W., McKenzie R.D. The City. Chicago: The University of Chicago Press, 1925. P. 47-62.

нас тревожат и выводят из себя, такими, как развод, делинквентность, социальные волнения, – обнаруживаются в наиболее острых своих формах в наших крупнейших американских городах. Глубокие «разрушительные» силы, вызвавшие эти изменения, измеряются ростом и экспансией городов. Об этом говорит сравнительная статистика Вебер, Бюхера и других ученых.

Эти статистические исследования, хотя и имеют в основном дело с последствиями городского роста, с предельной рельефностью обнажили отличительные особенности городских популяций, в противоположность сельским. Преобладание женщин над мужчинами в городах, в отличие от открытой сельской местности, больший процент молодежи и людей среднего возраста, более высокая доля уроженцев других стран, возрастающая профессиональная неоднородность увеличиваются с ростом города и кардинально меняют его социальную структуру. Эти различия в составе населения служат показателями всех изменений, происходящих в социальной организации сообщества. Фактически эти изменения являются частью роста города и указывают на природу этих процессов роста.

Единственным аспектом роста, который адекватно описали Бюхер и Вебер, был довольно очевидный процесс *агрегации* городского населения. Почти такой же очевидный процесс – процесс *экспансии* – был исследован с иной, очень практической точки зрения группой специалистов, занимавшихся городским планированием, зонированием и региональными обследованиями. Еще более значима по сравнению с возрастающей плотностью тенденция городского населения становиться избыточным, распространяться тем самым на более широкие территории и вовлекать эти территории в более широкую общественную жизнь. В этой статье, следовательно, речь сначала пойдет об экспансии города, а затем о менее известных процессах городского метаболизма и мобильности, тесно связанных с экспансией.

Экспансия как физический рост

С точки зрения городского планирования, зонирования и региональных обследований экспансия города рассматривается почти всецело в терминах его физического роста. Транспортные исследования сосредоточились на проблеме развития транспорта в связи с распределением населения по всему городу. Обследования, проводившиеся Телефонной компанией Белла и другими общественными

службами, пытались предсказать направление и скорость роста города, дабы предвидеть будущий спрос на расширение их услуг. В рамках городского планирования размещение парков и бульваров, расширение проезжей части улиц, забота об административном центре города осуществляются в интересах будущего контроля над физическим развитием города.

К этой территориальной экспансии наших крупнейших городов ныне настойчиво привлекают наше внимание План изучения Нью-Йорка и его окрестностей и создание Чикагской ассоциации регионального планирования, расширившей метропольный район города до радиуса 50 миль и включившей в него 4000 кв. миль территории. В обоих случаях предпринимается попытка измерить экспансию, дабы справиться с изменениями, сопровождающими рост города. В Англии, где больше половины жителей живут в городах с населением 100 тыс. и более человек, К.Б.Фосетт дает такую живописную оценку влияния городской экспансии на социальную организацию:

«В последние десятилетия одной из самых важных и поразительных особенностей роста городских популяций у более развитых народов мира стало появление огромных городских агрегатов, или конурбаций, превосходящих по размеру и численности великие города любой предшествующей эпохи. Обычно они формировались путем одновременного расширения нескольких соседних городков, которые разрастались навстречу друг другу до тех пор, пока практически не сливались в одну непрерывную городскую территорию. Каждая такая конурбация, вместе с тем, имеет в своих пределах множество центров более плотного городского роста, большинство из которых представляют собой центральные районы тех разных городов, из которых она образовалась. Эти участки большей плотности соединяются менее плотно урбанизированными районами, которые поначалу были пригородами этих городов. Последние все еще, как правило, довольно несистематически застраиваются зданиями и часто содержат много открытых пространств.

Эти большие скопления городских обитателей – новая особенность в расселении человека по поверхности планеты. На сегодняшний день имеется от 30 до 40 таких агрегатов, каждый из которых содержит более миллиона человек, тогда как еще столетие назад, если не учитывать крупные центры скопления населения на водных артериях Китая, их было от силы два или три. Такие скопления людей пред-

ставляют собой явления огромной географической и социальной значимости; они порождают новые проблемы в организации жизни и благосостоянии их обитателей, а также в их различных видах деятельности. Немногие из них развили социальное сознание, сопоставимое с их величием, и полностью осознали себя как определенные группировки людей, имеющих много общих интересов, чувств и мыслей»¹.

В Европе и Америке тенденция большого города к расширению нашла отражение в понятии «метрополиса»; протяженность этого ареала выходит далеко за политические границы города, а в случае Нью-Йорка и Чикаго – даже за границы штата. Метрополис можно принять как ареал, включающий городскую территорию, обладающую свойством физической смежности, однако ныне он все больше определяется тем средством транспорта, которое позволяет деловому человеку жить в пригороде Чикаго, а работать в деловом районе Луп, а его жене – совершать покупки в магазине Маршалла Филда и посещать представления гран-опера в Концертном зале.

Экспансия как процесс

Изучением экспансии как процесса еще никто не занимался, хотя материалы для такого исследования и обнаружения разных аспектов этого процесса содержатся в городском планировании, зонировании и региональных обследованиях. Типичные процессы экспансии города, наверное, лучше всего изобразить с помощью ряда концентрических кругов, которые можно пронумеровать, дабы обозначить как последовательно идущие зоны городского расширения, так и типы районов, дифференцирующихся в процессе экспансии.

Нами представлена идеальная конструкция свойственных маленькому или большому городу тенденций к радиальному расширению из центрального делового района. Центральную часть города обычно окружает переходная, или транзитная, зона, в которую проникают бизнес и легкая промышленность. Третью зону населяют промышленные рабочие, бежавшие из зоны запустения, но желающие жить поближе к месту своей работы. За пределами этой зоны находится «спальная зона», образуемая комфортабельными многоквартирными домами или закрытыми районами частных домов, принадлежащих отдельным семьям. Еще дальше, за пределами самого города, располагается зона

¹ Fawcett C.B. British Conurbation in 1921 // Sociological Review. Vol. XIV (April, 1922). P. 111-112.

пригородов и городов-спутников, находящихся в получасе-часе езды от центрального делового района.

Рисунок ясно показывает основной факт экспансии, а именно, тенденцию каждой внутренней зоны расширять свою территорию путем проникновения в следующую внешнюю зону. Этот аспект экспансии можно назвать *суццессией*, или *последовательностью*; данный процесс был подробно изучен в экологии растений. Если эту схему применить к Чикаго, то все четыре указанные зоны были некогда заключены в пределах внутренней зоны, ставшей ныне деловым районом. Нынешняя зона запустения много лет назад не была зоной, в границах которой селятся ныне вольнонаемные рабочие; в памяти тысяч жителей Чикаго еще живы воспоминания о том, как в этом районе находились особняки «лучших семей». Вряд ли необходимо добавлять, что ни Чикаго, ни какой-либо другой город не вписываются в полной мере в эту идеальную схему. Она усложняется такими факторами, как прибрежная полоса озера, река Чикаго, железнодорожные линии, исторические факторы размещения промышленности, относительная степень сопротивления сообществ внешним вторжениям и т.д.

Помимо расширения и последовательности, общий процесс экспансии в городском росте включает в себе антагонистические, но вместе с тем взаимно дополняющие друг друга процессы концентрации и децентрализации. Во всех городах имеется естественная тенденция к схождению линий внутренних и внешних транспортных перевозок в центральном деловом районе. В центре каждого крупного города мы ожидаем найти большие универмаги, высотные офисные здания, железнодорожные станции, большие гостиницы, театры, музей изобразительных искусств и городской концертный зал. Вполне естественно и почти неизбежно экономическая, культурная и политическая жизнь сосредоточивается именно здесь. Связь централизации с другими процессами городской жизни можно приблизительно замерить тем фактом, что «Большую петлю» (центральный деловой район Чикаго) ежедневно посещают более полумиллиона людей. В последнее время в лежащих за пределами города зонах выросли подчиненные деловые центры. Эти «центры-спутники», по-видимому, представляют собой вовсе не «долгожданное» возрождение прилегающих окрестностей, а скорее вовлечение нескольких локальных сообществ в более широкое экономическое единство. Вчерашний Чикаго, бывший скоплением сельских поселков и иммигрантских колоний, претерпе-

вает процесс реорганизации и превращения в централизованную децентрализованную систему локальных сообществ, срастающихся в подчиненные деловые районы, над которыми зримо или незримо преобладает центральный деловой район. Действительные процессы того, что можно бы было назвать централизованной децентрализацией, изучаются в настоящее время на примере развития торговых сетей, которые служат лишь одной из иллюстраций изменения, происходящего в самих основаниях городской организации².

Экспансия, как мы уже увидели, связана с физическим ростом города и расширением технических служб, которые сделали городскую жизнь не только сносной, но и удобной, даже приятной. Некоторые из этих основополагающих потребностей городской жизни возможны лишь благодаря колоссальному развитию коммунального существования. Три миллиона людей, живущих в Чикаго, зависят от единой системы водоснабжения, одной гигантской газовой компании и одной огромной электростанции. Между тем, как и большинство других аспектов нашей коммунальной городской жизни, это экономическое сотрудничество представляет собой пример кооперации, в которой нет и доли того «духа сотрудничества», который обычно в ней предполагают. Крупные муниципальные службы являются частью механизации жизни в больших городах и почти или вовсе не имеют значения для социальной организации.

Тем не менее, процессы экспансии, и особенно темпы экспансии, можно изучать не только в физическом росте и развитии бизнеса, но и в вытекающих из них изменениях в социальной организации и личностных типах. Насколько рост города, в его физическом и техническом аспектах, сопровождается естественной, но адекватной перестройкой в социальной организации? Какой темп является для города нормальным темпом экспансии, т.е. таким темпом экспансии, за которым могли бы успешно поспевать управляемые изменения в социальной организации?

Социальная организация и дезорганизация как процессы метаболизма

На эти вопросы, пожалуй, легче всего ответить, если мыслить городской рост как результат организации и дезорганизации, аналогич-

² См.: Shideler E.H. The Retail Business Organization as an Index of Community Organization (готовится к изданию).

ных анаболическим и катаболическим процессам в метаболизме живого тела. Каким образом индивиды инкорпорируются в жизнь города? Благодаря какому процессу человек становится органической частью своего общества? Естественный процесс усвоения культуры начинается с рождения. Человек рождается в семье, уже приспособленной к социальной среде — в данном случае к современному городу. В качестве естественного прироста населения, наиболее благоприятного для ассимиляции, можно, следовательно, взять преобладание рождаемости над смертностью. Но является ли это нормой для роста города? Определенно, современные города повышали и повышают численность своего населения с гораздо высшей скоростью. Между тем, естественный темп прироста можно использовать как мерилло для расстройств метаболизма, вызываемых любым избыточным приростом, например, расстройств, последовавших за великим наплывом негров с Юга в северные города после войны. Аналогичным образом все города демонстрируют отклонения в половозрастном составе от стандартного населения, каковым является население Швеции, не затронутое в последнее время великими волнами эмиграции или иммиграции. Опять-таки эти заметные отклонения, как, например, любое значительное преобладание мужчин над женщинами или женщин над мужчинами, искаженные численные пропорции детей или взрослых мужчин и женщин в населении, являются симптомами аномалий в социальном метаболизме.

Обычно процессы дезорганизации и организации могут рассматриваться как взаимно связанные друг с другом и как сообща подталкивающие равновесие социального порядка к цели, смутно или определенно трактуемой в качестве прогрессивной. Поскольку дезорганизация ведет к реорганизации и обеспечивает более эффективное приспособление, мы должны понимать дезорганизацию не как патологический, а как нормальный процесс. Дезорганизация как первый шаг к реорганизации установок и поведения почти неизменно становится уделом человека, только что поселившегося в городе. Расставание с привычным, которое в то же время было для него зачастую и моральным, нередко сопровождается мучительным душевным конфликтом и переживанием личной потери. Но, пожалуй, чаще всего такое изменение рано или поздно приносит чувство избавления и тягу к новым ориентирам.

В ходе экспансии города происходит процесс распределения, который просеивает, сортирует и передислоцирует индивидов и групп

пы по разным местам проживания и родам занятий. Результирующая дифференциация космополитического американского города на ареалы, как правило, подчиняется одному образцу, разве что с любопытными незначительными модификациями. В центральном деловом районе или на примыкающей улице располагается «основной костяк» т.н. «бродяжно-богемного района», многолюдный Риальто бездомного странника со Среднего Запада³. В зоне запустения, окружающей центральный деловой квартал, всегда можно обнаружить т.н. «трусщобы» и «пустыри» с их опустившимися районами нищеты, деградации и нездоровья, а также преисподними преступления и порока. В пределах зоны разложения есть и районы доходных домов, чистилище «заблудших душ». Неподалеку имеется Латинский квартал, где обитают творческие и мятежные характеры. Кроме того, трущобы до отказа набиты иммигрантскими колониями; тут есть и Гетто, и Маленькая Сицилия, и Греческий городок, и Чайнатаун, где старые мировые традиции причудливо сочетаются с американскими адаптациями. Отсюда выклинивается Черный пояс с его свободной и беспорядочной жизнью. Зона запустения, будучи по своей сути ареалом загнивания и стационарного или сокращающегося населения, является в то же время и зоной регенерации, о чем свидетельствуют душеспасительные миссии, благотворительные учреждения, колонии художников, радикальные центры — все как на подбор одержимые видением нового и лучшего мира.

Следующая зона тоже населена в основном промышленными рабочими и работниками магазинов, но квалифицированными и добившимися успеха. Это ареал второго иммигрантского поселения; здесь обычно селятся иммигранты второго поколения. Это регион бегства из трущобы, *Deutschland* честолюбивой еврейской семьи из Гетто. Ибо *Deutschland* (буквально «Германия») — это название, данное наполовину из зависти, наполовину в насмешку тому району за пределами Гетто, где удачливые соседи подражают внешним стандартам жизни немецких евреев. Однако сам обитатель этого ареала, в свою очередь, с надеждой смотрит на внешнюю «Обетованную землю», на ее меблированные комнаты в гостиницах или доходных домах, ее «центры-спутники» и районы «неоновых вывесок».

³ Исследование этого культурного ареала городской жизни см. в: Nels Anderson. *The Hobo*. Chicago: University of Chicago Press, 1923.

Эта дифференциация на естественные экономические и культурные группировки придает городу его форму и характер. Ведь сегрегация предлагает группе, а тем самым и индивидам, эту группу составляющим, место и роль в целостной организации городской жизни. Сегрегация ограничивает развитие в одних направлениях, но освобождает ему дорогу в других. Эти ареалы тяготеют к акцентировке определенных черт, привлечению и развитию своего особого типа индивидов и, тем самым, к углублению дифференциации.

Разделение труда в городе точно так же иллюстрирует дезорганизацию, реорганизацию и возрастающую дифференциацию. Иммигрант, приехавший из сельских сообществ Европы и Америки, редко привозит с собой экономический навык, имеющий хоть сколь-нибудь весомую ценность в нашей промышленной, коммерческой или профессиональной жизни. Вместе с тем произошел любопытный профессиональный отбор на основе национальности, в результате которого мы имеем теперь ирландских полисменов, греческие кафе-мороженое, китайские прачечные, негров-носильщиков и бельгийских прихватчиков. Этот отбор можно объяснить скорее расовым темпераментом или обстоятельствами, нежели экономическими традициями тех миров, в которых эти иммигранты жили раньше.

Те факты, что в Чикаго миллион (996589) индивидов успешно работал в 509 официально признанных родах занятий, а 1000 мужчин и женщин, чьи имена вошли в справочник *Who's Who*, представляли 116 разных профессий, дают некоторое представление о том, как в городе мельчайшая дифференциация профессии «анализирует и просеивает население, разделяя и классифицируя разнородные элементы»⁴. Эти цифры позволяют также представить сложность и запутанность современного промышленного механизма и тонкую сегрегацию и обособление разделившихся экономических групп. С этим экономическим разделением труда тесно связано соответствующее разделение на социальные классы и на культурные и рекреационные группы. Среди этой множественности групп с их различающимися образцами жизни человек находит конгениальный ему социальный мир и — что совершенно неосуществимо в узких границах деревни — может двигаться и жить в абсолютно раздельных и, возможно, даже конфликтующих друг с другом мирах. Личностная

⁴ A. F. Weber. The Growth of Cities in the Nineteenth Century. N. Y., 1899. P. 442.

дезорганизация может быть всего лишь неудачей в гармонизации канонов поведения двух различных групп.

Если феномены экспансии и метаболизма показывают, что умеренная степень дезорганизации может способствовать и действительно способствует социальной организации, то также они показывают и то, что быстрая городская экспансия сопровождается необычайным возрастанием болезней, преступности, порока, умопомешательства и самоубийств, а все это примерные показатели социальной дезорганизации. Но каковы показатели причин — в отличие от показателей следствий — расстроенного социального метаболизма города? В качестве критерия уже было предложено взять превышение действительного прироста населения над естественным. Значимость этого прироста состоит в том, что в крупный городской центр вроде Нью-Йорка или Чикаго ежегодно прибывают десятки тысяч иммигрантов. Их проникновение в город обладает эффектом приливной волны, накрывающей сначала иммигрантские колонии и порты прибытия, выталкивающей тысячи их обитателей в следующую зону — и так далее, вплоть до того момента, пока инерционная сила волны не достигнет самой последней городской зоны. Совокупным эффектом становится ускорение экспансии, ускорение развития промышленности и ускорение процесса «захламления и обветшания» в зоне запустения. Эти внутренние движения населения становятся все более важными для исследования. Какое движение происходит в городе и как можно измерить это движение? Классифицировать движение в городе, конечно, легче, чем его измерить. Есть перемещение с одного места жительства на другое, изменение рода занятий, текучесть рабочей силы, движение на работу и с работы, движение для отдыха и приключений. Это подводит к вопросу: какой аспект движения важен для изучения изменений в городской жизни? Ответ на этот вопрос непосредственно ведет к проведению важного различия между движением и мобильностью.

Мобильность как пульс сообщества

Движение само по себе не является свидетельством изменения или роста. На самом деле, движение может быть фиксированным и неизменным порядком перемещения, призванным контролировать постоянную ситуацию, например, в случае рутинного движения. Движение, значимое для общества, предполагает изменение движений в ответ на новый стимул или ситуацию. Изменение движения этого типа назы-

вается *мобильностью*. Движение, имеющее рутинный характер, находит свое типичное выражение в работе. Изменение движения, или мобильность, характерным образом выражается в рискованном приключении. Большой город с его «неоновыми вывесками», его торговыми центрами, где торгуют новинками и устраивают дешевые распродажи, его дворцами увеселений, его подпольным миром порока и преступления, его рисками и страхованием жизни и собственности от несчастного случая, кражи и человекоубийства стал зоной, где до предела возросли дух приключения и опасность, душевный подъем и нервное возбуждение.

Мобильность, само собой, включает в себе изменение, новый опыт, стимуляцию. Стимуляция вызывает реагирование человека-персоны на те объекты его внешнего окружения, которые дают выражение его желаниям. Для человека-персоны, как и для физического организма, стимуляция является существенным условием роста. Реакция на стимуляцию остается целостной до тех пор, пока она есть согласованная *интегральная* реакция всей личности. Когда реакция *сегментарна*, т.е. отделена от организации личности и не контролируется ею, она стремится стать дезорганизующей или патологической. Именно поэтому стимуляция ради стимуляции, как, например, в неугомонной погоне за наслаждениями, сопричастна природе порока.

Мобильность городской жизни со свойственным ей возрастанием числа и интенсивности стимуляций неизбежно имеет тенденцию сбивать человека с пути и деморализировать. Ибо существенным элементом общественных нравов и личной нравственности является согласованность — согласованность того типа, который естествен для социального контроля в первичной группе. Там, где достигает наивысшего уровня мобильность и где, следовательно, полностью рушатся первичные механизмы контроля, как, например, в современном городе в зоне запустения, возникают ареалы деморализации, распушенности и порока.

В наших исследованиях города обнаружилось, что ареалы мобильности являются теми самыми районами, где процветают юношеская делинквентность, подростковые банды, преступность, нищета, уходы из семьи, разводы, детская беспризорность, порок.

Эти конкретные ситуации показывают, почему мобильность, вероятно, самый лучший показатель состояния метаболизма города. Мобильность можно рассматривать, причем не просто в метафориче-

ском смысле, как «пульс сообщества». Подобно пульсу человеческого тела, этот процесс является отражением и индикатором всех изменений, происходящих в сообществе, и поддается разложению на элементы, которые можно количественно выразить.

Элементы, входящие в состав мобильности, можно подразделить на две основные категории: (1) состояние изменчивости человека-персоны и (2) число и тип контактов или стимуляций в его внешней среде. Изменчивость городских популяций изменяется вместе с половозрастным составом, а также со степенью оторванности персоны от семьи и от других групп. Все эти факторы можно выразить количественно. Новые стимуляции, на которые реагирует население, можно измерить через изменение движения или возрастание числа контактов. Статистические данные о движении городского населения могут измерить лишь рутину, но возрастание его со скоростью, превышающей темпы возрастания населения, является измерением мобильности. В 1860 г. трамваи с конной тягой в Нью-Йорк-Сити перевезли около 50 млн. пассажиров; в 1890 г. трамваи с электрической тягой (и немногочисленные сохранившиеся трамваи с конной тягой) перевезли около 500 млн. пассажиров; в 1921 г. надземные, подземные, наземные, электрические и паровозные пригородные транспортные линии перевезли в общей сумме более 2,5 млрд. пассажиров⁵. В Чикаго общее число поездок в год на душу населения (на наземном и надземном транспорте) составляло: в 1890 г. — 164, в 1900 — 215; в 1910 — 320; в 1921 — 338. Кроме того, среднелюбовое число поездок в год на пригородных железнодорожных линиях (на электрической и паровой тяге) за период с 1916 по 1921 г. почти удвоилось, с 23 до 41. Не следует упускать из виду и возросшее пользование автомобилями⁶. Например, число автомобилей в Иллинойсе возросло в период с 1915 до 1923 г. с 131140 до 833920⁷.

Мобильность может быть измерена не только этими изменениями движения, но и возрастанием числа контактов. В то время как рост населения в Чикаго составил в 1912-1922 гг. менее 25 процентов (23,6%), рост количества писем, доставляемых жителям Чикаго, был

⁵ Данные взяты в адаптированном виде из книги: Munro W.D. Municipal Government and Administration. N. Y., 1923. Vol. II. P. 377.

⁶ Report of the Chicago Subway and Traction Commission. P. 81; Report on a Physical Plan for a Unified Transportation System. P. 391.

⁷ Данные собраны автомобильной промышленностью.

вдвое выше (49,6% — с 639084196 до 1038007854)⁸. В 1912 г. в Нью-Йорке было 8,8 телефона на 100 жителей, а в 1922 — уже 16,9. В Бостоне в 1912 г. на 100 жителей приходилось 10,1 телефона, а спустя десять лет — уже 19,5. За то же десятилетие для Чикаго эти цифры возросли с 12,3 до 21,6 на 100 человек⁹. Но возрастание пользования телефоном, вероятно, даже важнее, чем рост числа телефонных аппаратов. Количество телефонных звонков в Чикаго возросло с 606131928 в 1914 г. до 944010586 в 1922 г.¹⁰; рост составил 55,7%, тогда как население выросло только на 13,4%.

Цены на землю, поскольку они отражают движение, дают один из самых чувствительных показателей мобильности. Самые высокие цены на землю в Чикаго находятся в точке наибольшей мобильности в городе — на углу Стейт- и Мэдисон-стрит, в центральном деловом районе Луп («Большая петля»). Подсчеты транспортников показали, что в период пик через юго-западный угол пересечения этих улиц проходят в час 31000 человек, или 210000 человек за 16 с половиной часов. На протяжении более десяти лет цены на землю в «Большой петле» удерживались на постоянном уровне, но в то же время выросли вдвое, вчетверо и даже в шесть раз в стратегических секторах «спутниковых деловых центров»¹¹, и это точный показатель произошедших изменений. Наши до сих пор проведенные исследования показывают, что, по всей видимости, изменения в ценах на землю, особенно там, где они коррелируют с изменениями арендной платы, представляют, пожалуй, наилучшую количественную меру мобильности и, стало быть, всех тех изменений, которые происходят в ходе экспансии и роста города.

Я попытался в общих чертах представить ту точку зрения и те методы исследования, которые применяет факультет социологии в своих исследованиях роста города, а именно: описать городскую экспансию в терминах расширения, последовательности и концентрации; определить, как экспансия нарушает метаболизм города, когда дезор-

⁸ Статистические данные отдела почтовых отправлений почтовой службы Чикаго.

⁹ Рассчитано по данным *Census Estimates for Intercensal Years*.

¹⁰ Из статистических данных, предоставленных м-ром Р.Джонсоном, диспетчером телефонных линий (Иллинойское отделение Телефонной компании Белла).

¹¹ За период 1912-1923 гг. цены на землю (за кв. фут) выросли в Бриджпорте с \$600 до \$1250; в районе Дивижн-Эшленд-Милуоки — с \$2000 до \$4500; в «Задворках» — с \$1000 до \$3000; в Инглвуде — с \$2500 до \$8000; на Уилсон-авеню — с \$1000 до \$6000; но упали в «Большой петле» с \$20000 до \$16500.

ганизация преобладает над организацией; и, наконец, определить мобильность и предложить ее как критерий экспансии и метаболизма, поддающийся точной количественной формулировке, который можно бы было рассматривать почти буквально как пульс сообщества. К слову, этот документ мог бы послужить введением к любому из пяти или шести исследовательских проектов, которыми занимается в настоящее время наш факультет¹². Проект, которым занят непосредственно я, представляет собой попытку применить эти методы исследования к поперечному срезу города. Я пытаюсь поместить эту территорию, так сказать, под микроскоп и изучить более детально, ответственно и точно те процессы, которые были описаны здесь в самых общих чертах. С этой целью было выбрано еврейское сообщество на западе города. Это сообщество включает в себя т.н. «Гетто», район первого поселения, и Зеленый Дол, или т.н. «Германию», район второго поселения. Этот ареал имеет некоторые очевидные преимущества для такого исследования, с точки зрения экспансии, метаболизма и мобильности. Он иллюстрирует тенденцию к радиальному расширению из делового центра города. В настоящее время это относительно однородная культурная группа. Зеленый Дол являет собою район, пребывающий в потоке непрерывного изменения, куда все еще прибывает волна мигрантов из Гетто и откуда происходит постоянный отток людей в более желанные районы зоны фешенебельных кварталов. Кроме того, в этом ареале можно изучить, как ожидаемому результату этого высокого уровня мобильности, а именно, социальной и личностной дезорганизации, в большой степени противодействует эффективная общинная организация еврейского сообщества.

Перевод В.Г. Николаева и А.Б. Рахманова

¹² Nels Anderson, *The Slum: An Area of Deterioration in the Growth of the City*; Ernest R. Mowrer, *Family Disorganization in Chicago*; Walter C. Reckless, *The Natural History of Vice Areas in Chicago*; E. H. Shideler, *The Retail Business Organization as an Index of Business Organization*; F. M. Thrasher, *One Thousand Boys' Gangs in Chicago; a Study of Their Organization and Habitat*; H. W. Zorbaugh, *The Lower North Side; a Study in Community Organization*.

Николаев Владимир Геннадиевич — кандидат социологических наук, доцент социологического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова
Рахманов Азат Борисович — кандидат философских наук, сотрудник Издательского центра социологического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова